ВАС. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

Мои встрѣчи съ Чеховымъ.

Четверть вѣка съ того печальнаго дня, когда я возвращался въ Ляоянъ съ Шао-шанъ-пу. Только что окончился бой, одинъ изъ тѣхъ, которымъ Старая Россія тяжко расплачивалась за свои великіе грѣхи. Позади еще глухо ахали японскія орудія.

Въ сизомъ туманѣ тонули дали. Едва намѣчивались китайскія ольхи, съ круглыми темными шапками омелы. Подъ ними ощетинившимися драконьими хребтами прятались причудливыя кумирни...

Навстрѣчу — незнакомый офицеръ.

— Слышали?

— О чемъ?

— Чехова не стало.

Отвернулся, чтобы не выдать волненія.

И вдругъ почувствовалъ, какъ и онъ: мы оба утратили дорогое, милое, близкое. Острая боль обиды. Злая, безсмысленная шутка судьбы надъ человѣчествомъ... На минуту ушли изъ памяти кошмары упорнаго боя — тысячи раскинутыхъ по влажному лѣсу труповъ, стоны неубранныхъ раненыхъ, отвратительный визгъ шрапнели и скороговорка пулеметовъ.

«Чеховъ умеръ».

Я вспомнилъ встрѣчу съ нимъ.

— Вы же, слушайте, навѣрное поѣдете на войну?

— Не знаю.

— Чего не знать... И я бы тоже... Не люблю ея, но... Сколько увидишь! Вѣдь человѣкъ тамъ, какъ онъ есть. Безъ маски, безъ лжи. И великодушіе и мужество и подлость и трусость... На ладони... Это, слушайте же, какъ на кораблѣ въ тайфунъ. Некогда притворяться... Правда слишкомъ рѣзко, подчеркнуто. Но ужъ это ваше дѣло — глубокой слегка, чтобы настоящая правда получилась...

Онъ въ эти дни чувствовалъ себя хорошо.

— А въ самомъ дѣлѣ, что бы вамъ, Антонъ Павловичъ?... Любая редакція...

— Куда мнѣ! Въ груди ржавыя петли скрипятъ. По ночамъ холодный потъ. Выкашливаю жизнь. Вамъ этого не понять: ишь какая у васъ грудь — чугунъ. Я такія у монголовъ видалъ. Мнѣ бы хотѣлось еще... Одинъ большой настоящій романъ написать. Да боюсь начать. Знаю, что не кончу. А впрочемъ, слушайте же, я отъ Фидлера письмо получилъ. Будищевъ его обидѣлъ...

И, какъ всегда онъ это дѣлалъ, перешелъ на смѣшное, анекдотическое.

— А я все-таки ее надулъ, курносую... Она вѣдь слѣпая. Одни черныя дыры въ черепѣ. Прыгну въ сѣдло и такимъ знаете чертовымъ адъютантомъ въ Манчжурію. На страхъ врагамъ! Баки запущу, какъ у Немировича — совсѣмъ Скобелевъ...

Я еще разъ встрѣтилъ его.

Онъ очень поддался. Недугъ измѣннически, неотступно дѣлалъ свое.

— Вы всѣ счастливцы... Всѣ, кромѣ меня. Будете жить, когда меня зароютъ...

Въ нервной рукѣ, пожимавшей мою, чувствовалась дрожь чего-то, уходящаго, и глаза пристально впивались, читали въ вашемъ лицѣ, то, что вы пытались скрыть.

*

Кому случалось одиноко проводить вечера за письменнымъ столомъ, тотъ знаетъ, какъ изъ потемокъ нѣтъ-нѣтъ да и выступитъ далекое прошлое, едва различимое. Полузабытое, оно вдругъ дѣлается вамъ дорогимъ, милымъ. Оторвешься въ раздумьи отъ работы и за маленькимъ свѣтлымъ кругомъ отъ абажура оно вамъ мерещится отовсюду. Такъ именно намѣчается мнѣ моя первая встрѣча съ блѣднымъ, тонкимъ, веселымъ юношей у забытаго теперь романиста и поэта Хрущова-Сокольникова. Было это въ Москвѣ. И Чеховъ не былъ еще Чеховымъ, а въ печати впервые появился Антоша Чехонте. Я вернулся тогда изъ Италіи и весь еще былъ овѣянъ ея лазурью и животворящимъ свѣтомъ. Разсказывалъ и вдругъ изъ угла:

— Эхъ! Грошей не ма! А то бы и я... Нѣтъ, впрочемъ, не хочу туда!

— Почему?

— Слушайте же... Лакированная она у васъ, какая-то — Италія! Точно новый паркетъ. Только что полотеры ушли, онъ весь горитъ. И скользко.

— Это въ старыхъ галлереяхъ, въ развалинахъ!

— И все-таки, хоть и обвалилась, потрескалась, а лакированная. Вонъ у васъ дождь въ Веронѣ, такъ онъ то ее еще больше омылъ и мокрая она — глаза слѣпитъ на солнцѣ. Потомъ — вся она каменная. Домамъ на землѣ тѣсно, сбились въ кучу и на небо лѣзутъ. Вонъ у васъ въ Генуѣ дылды въ девять этажей.

— И по двѣнадцати есть внизу въ портѣ.

— Это, слушайте же, не жизнь, а воздухоплаваніе. Съ Ивана Великаго только и пріятно, что плюнуть на голову Левинскому*), когда онъ аванса не даетъ. Да и Вероны никакой нѣтъ. Ее Шекспиръ выдумалъ, а вы видѣли на декораціяхъ «Ромео и Джульеты» и повѣрили ему. Нѣтъ, я, слушайте, просторъ люблю и деревенскій домикъ и пѣтуха на заборѣ, и гусей въ прудѣ, и ракиты... И чтобы поросенокъ визжалъ изъ закуты... И длинныя сумерки на крылечкѣ. А изъ кухни чтобы пирогомъ пахло.

Черезъ много лѣтъ большой его почитатель А. С. Суворинъ, ревниво отыскивавшій новые таланты, повезъ его въ Венецію. Въ моей записной книжкѣ сохранился разсказъ старика о Чеховѣ:

— Вотъ ужъ не ожидалъ: Антонъ Павловичъ ни на что не смотрѣлъ. Больше съ Алешей на балконѣ, надъ Canal Grande въ винтъ игралъ. Мнѣ такъ хотѣлось, чтобы онъ хоть памятникъ Кановы посмотрѣлъ. Помните на пьяцца деи Фрари. Взялъ съ него слово. Утромъ спрашиваю: — видѣли? — «Видѣлъ!» — Ну что же? — «Хоть сейчасъ на Волково кладбище!» Я даже плюнулъ. А потомъ узналъ: онъ тамъ и не былъ. Купилъ себѣ открытку съ этимъ монументомъ и успокоился. Упрекаю его: — «А зачѣмъ мнѣ. Я вѣдь не собираюсь открывать мастерскую надгробныхъ памятниковъ для Рогожскихъ купцовъ.» Идемъ мы съ нимъ мимо великолѣпной конной статуи кондотьери Коллеоне. Останавливаюсь. А онъ — «да, ну Алексѣй Сергѣевичъ, есть на что: мало вы въ Берлинѣ конныхъ городовыхъ видѣли!» А на пьяцца Санъ Марко. Соборъ весь въ золотѣ заката. Фрески живутъ. Нероновская квадрига на лазури — вотъ-вотъ бронзовыя лошади ринутся... А онъ: — «Голуби то, — радуется, — совсѣмъ, какъ у насъ на Собачьей площадкѣ.»

А. П. Чеховъ въ Ялтѣ въ 1897 г.

Это не было безразличіемъ. Онъ умѣлъ цѣнить красоту, но чужая какъ будто оскорбляла его — ея нѣтъ у насъ дома. Онъ до болѣзненности страстно любилъ Россію. И, прикидывая на нее иноземныя дивы, пожалуй, страдалъ за нашу отсталость. И, какъ всегда, свою душевную тоску облекалъ въ насмѣшливые тона. Вѣдь надо же въ иной насмѣшкѣ угадывать тайныя слезы.

— У насъ есть все, говорилъ онъ мнѣ въ Ниццѣ, любуясь «сиреневымъ» (его эпитетъ) — моремъ... Есть все, и яркое и тусклое. Почему это насъ называютъ сѣренькими въ сѣренькой природѣ? Вонъ, какъ мы раскинулись — полсвѣта захватили. Неужли-жъ у насъ отъ Полюса до Колхиды не найдется красокъ, до которыхъ вашей Италіи далеко? Казбекъ и Эльбрусъ — поставьте рядомъ съ Апеннинами, кто ихъ замѣтитъ? А — когда «на холмахъ Грузіи лежитъ сѣдая мгла — шумитъ Арагва подо мною»... Ну что ваше Арно или Тибръ? Нарумяненная она, ваша Италія, ее еще здорово отмыть надо, чтобы не очень ужъ блестѣла, какъ дешевая олеографія.

*

Потомъ надо и то понять, что Чеховъ, какъ тонкій психологъ, интересовался больше человѣкомъ, чѣмъ сценой, на которой тотъ дѣйствуетъ. «Заграницу» онъ, впрочемъ, цѣнилъ по своему: «Слушайте же, она тѣмъ хороша — никому до тебя никакого дѣла. Ходи вольно. А то, помилуйте, пошелъ я къ Тѣстову (очень подобные пироги любилъ), а напротивъ, какой-то бутузъ бараній бокъ съ кашей ѣлъ. — «Смотри, Чеховъ!» Выпучился на меня, поперхнулся и всю даму жирной гречихой обрызгалъ! Та, благимъ матомъ: Ты что-жъ дуракъ, медвѣдя на Кузнецкомъ середь бѣлаго дня увидѣлъ? Платье то у меня по двѣнадцати рублей аршинъ у Сапожниковыхъ плочено... Слушайте же, ну что-жъ тутъ красиваго? Не дали подавиться пирога окончить».

Какъ всякій большой талантъ, онъ самъ себѣ не вѣрилъ. Это была не скромность — а та разница, которая знакома каждому истинному художнику — задуманнаго съ выполненнымъ.

*

Какъ то въ Петербургѣ вышли мы съ нимъ поздно ночью отъ П. П. Гнѣдича.

— Они всѣ говорятъ, а я имъ совсѣмъ не вѣрю...

— Въ чемъ?..

— Григоровичъ и Бѣжецкій выдумали, а Суворинъ и публика имъ на слово повѣрили. Талантъ!.. Талантъ! Вотъ кому я завидую — Луговому, вѣдь бездаренъ, какъ еловая шишка, а самъ о себѣ кричитъ. Пѣтухъ на нашести... И ни въ чемъ не сомнѣвается... Далматовъ — тотъ меня утѣшилъ: «Хорошій ты, говоритъ, писатель. А попробуй-ка Рюи Блаза сыграть. Посмотрю, какъ ты въ окно вскочишь».

*

Писатель изумительной наблюдательности. Изумительной, и въ то же время мучительной. На его внутреннемъ негативѣ отражалось все, мимо чего мы проходили, не замѣчая. Каждая мелочь вносила свою черточку въ громадный запасъ его впечатлѣній. И какъ онъ страдалъ надъ ними, отыскивая нужное, четкое, вѣрное слово для ихъ изображенія. Вотъ ужъ именно, кто работалъ, когда всѣмъ казалось, что онъ ничего не дѣлаетъ. Фильма за фильмой наслаивались въ его памяти. Какая-нибудь схваченная со стороны бѣглая фраза, мѣткій афоризмъ, смѣлый парадоксъ, красочное опредѣленіе, остроумная шутка... Все это, проходя черезъ призму его воспріятія, теряло часто свою банальность, обыденность. Точно въ немъ онъ растворялъ свое собственное я. Не повторялъ ихъ, а перерабатывалъ въ истинные перлы. И какъ въ его писательской работѣ это просѣивалось. Отбрасывалась часто яркая эффектная шелуха и на страницы попадало чистое полновѣсное зерно. Я помню, какъ Андреевъ Леонидъ говорилъ: Писателю и фольга нужна — Чеховъ безпощадно эту фольгу отбрасывалъ въ сорную корзину, какими бы радужными отблесками она ни горѣла. И какъ онъ провѣрялъ себя. Въ простомъ разговорѣ, въ устномъ разсказѣ, въ похожихъ на водевильные фарсы выходкахъ, нѣтъ-нѣтъ да и ввернетъ то, что ему нужно внести въ свою рукопись. И слѣдитъ за тѣмъ, какое это впечатлѣніе производитъ на слушателя. И даже не на слушателя, а какъ это звучитъ въ его собственныхъ авторскихъ устахъ, обращенное къ дружеской аудиторіи. Похвалы при этомъ не играли для него никакой роли. Онъ вѣрилъ не словамъ, а ихъ тональности, чему-то неуловимому, неясному даже для тѣхъ, кто приходилъ въ восторгъ отъ чеховской шутки, отъ его опредѣленія — но угадываемому строгимъ писательскимъ чутьемъ.

Всего разумѣется для его читателей интереснѣе, какъ онъ работалъ. Я только разъ видѣлъ это. Наши комнаты въ Ниццѣ были рядомъ. Какъ-то онъ попросилъ меня зайти къ нему вечеромъ. Какъ сейчасъ передо мною эта Рембрантовская картина. Большая гостиная. Вся въ потемкахъ. По серединѣ столъ съ лампой. Подъ ея свѣтомъ начатая рукопись. Антона Павловича я едва разглядѣлъ. Онъ сидѣлъ въ углу, въ креслѣ, и изъ мрака едва-едва выступало его худое блѣдное лицо, съ особенно настороженными глазами. Фигура писателя пропадала въ тѣни. Я хотѣлъ уйти, не мѣшать ему, но онъ едва-едва слышно попросилъ: «Посидите, я сейчасъ кончу. Сегодня у меня отлично идетъ. Давно такъ не работалось»... Прошло нѣсколько минутъ. Онъ всталъ, подошелъ къ столу, набросалъ строчку, и назадъ въ кресло... Потомъ вскочилъ и вычеркнулъ написанное... И черезъ такой же промежутокъ опять двѣ строки... Критикъ и авторъ работали въ одно и то же время, и первый тутъ же уничтожалъ написанное вторымъ...

*

Ему запрещено было выходить, когда заходило солнце.

— Мнѣ оно врагъ, а я его такъ люблю.

Въ моей записной книжкѣ значится: Онъ приходилъ ко мнѣ и подолгу смотрѣлъ въ стекла закрытаго окна. Золотились пальмы. Розовѣло небо. Яркимъ полымемъ тлѣли края облаковъ...

— Теперь бы на берегъ. Море то, море какъ хорошо. И что они выдумали, доктора. Я вѣдь самъ докторъ. И хорошій докторъ. Вы, кажется, сомнѣваетесь? — обидчиво спросилъ онъ. — Вотъ возьму и удивлю всѣхъ. Стану при закатѣ купаться, въ одной чесунчѣ пойду гулять... И переживу ихъ. На ихъ похоронахъ буду какъ Градовскій*) произносить рѣчи, а самъ про себя думать: «Ага, голубчики, кто кого отпѣваетъ?»... Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь воля сильнѣе природы. Кто это писалъ? Должно быть умный человѣкъ былъ. Вотъ не хочу болѣть, и вовсе не собираюсь умирать... Пусть Мачтетъ на моемъ пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ, поглаживая свою умную бороду, провозгласитъ: «сѣйте разумное, доброе, вѣчное»...

Задумался, помолчалъ, и потомъ вдругъ:

— А вы замѣтили, какія у дураковъ умныя бороды?

И еще, выдержавъ паузу:

— Вотъ у Петра Вейнберга тоже умная борода...

*

На другой день.

Мы въ нашемъ любимомъ уголкѣ: розовое утро. Море притаилось.

— Не умру безъ того, чтобы не написать большой романъ.

Это было его мечтою. Онъ часто повторялъ мнѣ.

— И непремѣнно въ шести частяхъ. Не одному же Гончарову этакіе кирпичи выпускать. У меня столько типовъ въ головѣ и такіе переплеты событій и характеровъ. Еще удивлю всѣхъ. И непремѣнно, непремѣнно съ самыми анаемскими приключеніями. Что вы думаете: развѣ жизнь пересочить можно? Вѣдь это врутъ на нее, что въ ней ничего чудеснаго, непредвидѣннаго. — Нѣтъ, разумѣется я шучу... А романъ, большой романъ непремѣнно напишу... Онъ у меня весь намѣченъ. Весь. Такъ кажется: стоитъ только сѣсть, и чтобы тупое перо съ очень черными чернилами и хорошая графленая бумага, чтобы перо по ней скользило.

*

Мнѣ приходится изъ своихъ воспоминаній выбирать то, о чемъ я не писалъ. Обо многихъ знаменательныхъ встрѣчахъ съ Антономъ Павловичемъ я умалчиваю, не перепечатывая же то, чему было отведено мѣсто въ моихъ прежнихъ работахъ. Но не могу не взять изъ своей записной книжки одной странички:

«Онъ тогда любилъ думать вслухъ.

— Я только что изъ Ментоны. Сидѣли рядомъ на берегу въ креслахъ чахоточные. Ноги въ толстыхъ пледахъ, теплыя шапки на носъ надвинуты. Злятся, шипятъ на все и плюются. А море здоровое, сильное катится къ нимъ. У креселъ жены или мужья. Хорошо бы написать, какъ они ненавидятъ этихъ умирающихъ. Рабы, прикованные къ галерамъ. Про себя думаютъ: «скоро ли тебя черти унесутъ»... А на лицахъ — милыя улыбки... А природѣ нѣтъ дѣла ни до тѣхъ, ни до другихъ... Она сіяющая, спокойная, стороной идетъ.»

Немного спустя:

— Пришло мнѣ, слушайте же, очеркъ одинъ: Сельская учительница въ крестьянскомъ возкѣ. Ѣдетъ въ городъ за жалованьемъ. Земство задержало. Наголодалась и нахолодалась. Сама въ овчинномъ тулупѣ, въ сапогахъ. Лицо бурое, обвѣтренное, грубое. Грязью захлестало всю. Шелудивая лошаденка добѣжала до чугунки и стопъ — проѣзда нѣтъ. Опустила голову, тяжело дышетъ. Мимо громыхаютъ вагоны. Въ окнахъ перваго и второго класса мелькаютъ молодыя, нѣжныя дѣвушки. Хорошо одѣтыя. Вотъ и вагонъ ресторанъ бѣжитъ. Чисто, тепло, сытно. Учительница смотритъ — въ каждомъ улыбающемся тонкомъ личикѣ себя узнаетъ. Такой, какою была когда-то. Подняли шлагбаумъ. Возокъ покатился. Мужиченко корявый, жесткій какъ мозоль, оглядывается: что это де случилось? Видитъ и понять не можетъ: чего это учительша реветъ? — Нешто кто тебя обидѣлъ? — Сама себя обидѣла».

Замысловъ у Чехова было много, но они разрѣшались не такъ, какъ авторъ ихъ задумывалъ. Уѣзжая, не помню куда — за границу или въ Крымъ, онъ грозился:

— Фарсъ напишу и пришлю Владиміру Ивановичу (моему брату). Посмотримъ, какъ художественники съ фарсомъ справятся. Слушайте же, вѣдь, это очень интересно.

А. П. Чеховъ на кумысѣ въ Самарской губ. въ 1900 г.

Черезъ мѣсяцъ получаю отъ него письмо:

— Фарсъ подвигается. Если курносая*) не стукнетъ, привезу въ Москву.

И привезъ.

И задуманный фарсъ оказался глубочайшей изъ нашихъ житейскихъ драмъ — «Вишневымъ садомъ».

*

Деликатность Чехова иногда доходила до крайности.

Околачивался въ Ниццѣ эмигрантъ «Бобикъ». Такъ мы его прозвали. Гордъ онъ былъ — хоть сейчасъ съ него статую лѣпи. Побирался и всѣхъ кто ему помогалъ — считалъ своими злѣйшими врагами. «Сунулъ, мерзавецъ двадцать пять и воображаетъ, что облагодѣтельствовалъ пролетарія... И Максимка вашъ хорошъ!

— Какой Максимка?

— Да этотъ пузатый... Ковалевскій. Намедни Чехова зоветъ къ себѣ въ Болье обѣдать. А я рядомъ стою — мнѣ ни слова. Оволочь...

— Да вы у него передъ этимъ были?

— Стану я ко всякой шушерѣ налазить, скажите пожалуйста, какая невидаль.

— Такъ что вы съ нимъ и знакомы не были?

— Нѣтъ... На улицѣ какъ-то... «Вы должны помочь интеллигенту». Ну онъ швырнулъ мнѣ пятьдесятъ... Не глядя! Подумаешь.

Этотъ Бобикъ — теперь у большевиковъ персона, — сосалъ Чехова до безстыдства.

— Не могу я ему отказать. Липнетъ... Да вѣдь и то — голодный. Ну, какъ прогонишь? И я охотно, но онъ покою не даетъ. И все какъ то внезапно... Всюду на него наткнешься... Съ дамой иду — представь его... Никакъ отъ него не отдѣлаться. Вчера онъ отличился: «я, говоритъ, вамъ буду сюжеты для разсказовъ давать — возьмите меня въ секретари. И поправлю вамъ, ежели понадобится. У меня слогъ. Вы вонъ у меня одинъ разсказъ позаимствовали — и я вамъ ни слова... А кажется могъ бы, даже если судомъ». Вы съ ума сошли. Какой разсказъ? — «А двоеженца... Я двоеженецъ... и хоть не въ качествѣ доктора — а все-таки къ прокуроршѣ подсыпался».

Встрѣчаю Бобика — ну, какъ водится:

— Одинъ фунтъ и ни слова! Товарищу!

— Возьмите десять франковъ.

Что-жъ это вы какъ кость собакѣ... Швырнули и сами прочь: «голодай паршивая!» И вашъ Чеховъ тоже...

— Да онъ вамъ постоянно помогаетъ. Что-жъ онъ больше можетъ?

— Мало ли что, ну, хоть подписку между этими сытыми прохвостами. Съ какими-нибудь тысячами двумя я бы въ Парижъ уѣхалъ, нашелъ бы себѣ дѣло. Мнѣ глубокія воды нужны. Я его недавно поймалъ на бульварѣ. Съ московскимъ милліардеромъ шелъ, съ Морозовымъ. Тоже экземпляръ! Я сейчасъ къ Антону Павловичу и, знаете, вѣжливо: «представьте меня!» А онъ, какъ заяцъ въ кусты. Я, говоритъ, самъ только что съ нимъ познакомился. Мнѣ не ловко. А самъ мнѣ золотой въ руку суетъ. Хорошъ?

— А золотой то вы взяли?

— А то нѣтъ? Еще жъ бы, съ паршивой овцы...

Изъ-за этого Бобика Чеховъ потомъ распинался, собирая ему «на построеніе носа». Заболѣлъ тотъ, и надо было ему на больницу. И какъ всегда, прикрывая шуткой — искреннее чувство. Антонъ Павловичъ дѣйствительно покоя не зналъ, пока не поставилъ Бобика на ноги...

— Бросьте вы его. Стоитъ ли. Вѣдь онъ васъ замучилъ совсѣмъ.

— Я съ нимъ сосчитаюсь потомъ.

— Съ Бобикомъ?

— Слушайте же, вѣдь мой Епиходовъ ничего не стоитъ въ сравненіи съ нимъ. Вѣдь онъ для романа — кладъ. Его на пять печатныхъ листовъ хватитъ. И самъ онъ мнѣ говоритъ: вы на моемъ жизнеописаніи сколько поампошируете, прикиньте!

— Экая дрянь!

— Гдѣ-нибудь и у него хорошая черточка есть. Надо ее высмотрѣть. Человѣкъ же... Подать его читателю — чтобы тому въ концѣ концовъ жаль было Бобика. Помирился бы съ нимъ. Не заборъ, чтобы его одной краской малевать...

Донимали его и непрошенные корреспонденты. Росла слава — росло и число интересовавшихся имъ. Изъ Парижа, изъ Лондона, изъ Германіи то и дѣло получались письма, и на каждое Антонъ Павловичъ непремѣнно отвѣчалъ.

— Слушайте же — нельзя. Все равно, что не пожать протянутую руку.

Изводился надъ французскими и нѣмецкими отвѣтами. Языки зналъ плохо, то и дѣло приходилось справляться съ грамматикой, со словаремъ. Извѣстность обязывала.

— Хорошо здѣшнимъ авторамъ. У нихъ на это секретари... Развѣ мнѣ Бобика взять, такъ вѣдь онъ каждое письмо обложитъ налогомъ...

*

Много еще хотѣлось бы разсказать о покойномъ. Но мнѣ уже не разъ приходилось писать о немъ... Оканчивать этотъ очеркъ не хотѣлось бы банальными фразами, похожими на надгробные панегирики похоронныхъ дѣлъ мастеровъ. Но всякій разъ вспоминая Антона Павловича, я невольно вижу эту большую комнату въ Ниццѣ, сплошь уходящую въ потемки, скупую лампу посреди, свѣтлый кругъ зеленаго абажура и въ углу глубокое кресло, въ которомъ не видно всей фигуры писателя, одно только его лицо, блѣдное, вдумчивое, наблюдательное и замученное — въ этой рембрантовской картинѣ...

— Не хочу умирать за границей. А они меня все сюда посылаютъ. Пускай въ Москвѣ зароютъ... Тамъ все, что я любилъ... И московскій благовѣстъ... И Замоскворѣчье — изъ Кремля, и Художественный театръ... — по обыкновенію не могъ онъ не закончить шуткой — заливные поросята у Тѣстова — подъ хрѣномъ.

ВАС. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

5 іюля 1929.

Lasné Podebrady.

*) Издатель «Будильника».

*) Григорій.

*) Смерть.